

О КАРЛЕ МАРКСЕ БЕЗ БОРОДЫ

Болгарский актер Венцеслав Кисев хорошо знаком советским зрителям по фильму Льва Кулиджанова «Карл Маркс: молодые годы». Мне посчастливилось встретиться с ним в Софии, и, конечно же, я не удержался, чтобы не задать ему несколько вопросов.

— Венцеслав, после знаменитого фильма о юности основоположника марксизма вы не очень-то балуете, во всяком случае наших зрителей, частыми появлениями на экране. С чем это связано?

— В кино я по-прежнему работаю, несмотря на то, что активно занят в театре. Но есть тут один момент. Дело в том, что режиссеры побаиваются приглашать меня на некоторые роли именно из-за того, что я сыграл Маркса. Вот такая незадача.

— Венцеслав, в народе ходит рассказ о том, что чуть ли не сам папа римский попросил актёра, игравшего в нашумевшем фильме Иисуса Христа, нигде больше не сниматься и предложил ему за это большие отступные, чтобы, так сказать, не исказить образ. За достоверность не ручаюсь, но такую версию слышал. С вами произошло нечто подобное?

— В известном смысле да. С той разницей, — Кисев вдруг рассмеялся, — что никто мне никаких отступных не предлагал.

— Перед тем, как начать сниматься в роли Маркса, вы изучали его не только как философа и экономиста, но и просто как человека. Пытались ли понять его жизнь?

— Ну конечно же. Читал не только Маркса, но и воспоминания о нем, знакомился с тем, как оценивали его современники, близкие ему люди. Меня поразила фраза Энгельса, сказанная после смерти Маркса. Я в уме перевожу ее с болгарского, дословно не уверен, но за смысл ручаюсь. Так Энгельс сказал, что будет страшно, если люди примут учение Маркса как догму. И еще одно: примерно год назад я был у вас в стране и встретился с болгарским священником отцом Гавриилом. Мы заговорили о Марксе, и оказалось, что он знает его лучше, чем я, чем большинство из нас. Они изучают его по-настоящему, а мы все больше клянемся ему в любви и верности.

— Скажите, Венцеслав, а если бы вы сейчас играли роль Маркса, был бы этот образ несколько иным, изменилось бы что-либо в его трактовке?

— Во-первых, не сократили бы те сцены, которые мы хотели отнять.

— А разве было что-то в сценарии, что вам не разрешили вставить в фильм?

— Ну представьте, он был девятнадцатилетним мальчишкой еще, юношей. Так он дрался, защищая своего земляка. После этой драки у него был шрам. Он не раз сидел за нарушение университетского режима в карцере. Он отнюдь не был пай-учеником. Или вот еще эпизод: как-то они с Энгельсом в Манчестере хорошенько выпили. С кем из нас не бывало? И стали бить лампы, уличные фонари. Ну попросту хулиганить. А когда появилась полиция, то Марксу удалось удрать, и поймали только Энгельса. Да что говорить, я повторяю, это были в быту обыкновенные живые люди. Эпизод для характеристики человека великолепный. Ну и еще, нам, к со-

жалению, пришлось переделывать почти весь текст комментариев Маркса. Вы помните, он там, уже пожилой, как бы оглядывается на свою жизнь и комментирует ее. И здесь нас заставили сделать его речь более канонизированной, что ли.

Кстати, я уверен, если вы будете печатать это интервью, наверняка раздадутся возмущенные голоса: как можно говорить о Марксе! В такой тональности! Для кого-то он почти бог. И это страшно. А для меня он просто человек, пусть гениальный, но человек. А вы-то сами как думаете?

— Вы знаете, все-таки есть в душе ощущение, что Маркс прямо родился с бородой...

— В том-то и беда! Ведь ни Маркс, ни марксизм с бородой не рождались. Это мы сами сделали таким и его, и его учение. И то, что происходит в наших странах, это как раз процесс возвращения и к настоящему Марксу, и к настоящему марксизму. Процесс этот сложный, но единственно верный. Мы так часто, вырывая отдельные цитаты из Маркса, опровергали ими саму суть марксизма, что путь нам предстоит сложный, длительный. Путь очищения. И от... бороды тоже.

— Ну а теперь немного отойдем от Маркса...

— Валера, мы только к нему идем!

— Я о другом. В каком фильме, несмотря на все опасения режиссеров, вы снялись?

— Один из последних фильмов — «Защитите маленьких живописцев». Он получил приз на фестивале в Праге. Есть еще несколько интересных предложений, так что, надеюсь, и в наступающем году без работы не останусь. Не могу не пожелать в новом году всем читателям «Вечерней Москвы» счастья. Пусть белый конь — прекрасный поэтический образ, не правда ли? — несет их в 1990-м к новым удачам!